Валентин Емелин. "ПАРАШУТКИ" (по следам минувшего "Чемпионат Балтии - 2019)

Автор: Нам письмо!
07.06.2019 17:02

Литературные пародии на некоторые конкурсные стихи и стихотворные посвящения их авторам...

Валентин Емелин

ПАРАШУТКИ

ГАНТЕНБАЙН

Ренарту Фасхутдинову

Назову себя Гантенбайн. А герой, скажем, будет – Че.
И неважно, каким он был, и когда он умер.
Я же автор. Творец. Мне ведома суть вещей.
Я её прозреваю в жизненном белом шуме.

Пусть Москва предала, пусть патронов и выхода – нет.
Я героя спасу из ущелья Кебрада-дель-Юро.
Я герою отдам не знающий промаха пистолет
И сознание правоты *де-факто* – к чёрту *де-юре*.

Я героя отправлю по м*и*ру – голубить волчат.
Ведь он сентиментален, хотя и выглядит грубо,
А волчата так мило кусаются и потешно рычат,
Но со временем в горло врагов вопьются их зубы.

И когда-нибудь, где-нибудь, в школе (назовём её Колумбайн),
Два волчонка сорвутся с цепи в нетерпении пылком.
Но ведь я же слепец. Я не вижу. Я – Гантенбайн.
Почему же холодное дуло я чую затылком?

MEMENTO MORI

Виталию Мамаю

Он был лучшим ведущим канала с бесшумной походкою зверолова,
На Discovery вряд ли можно было найти такого второго.
Он курил Lucky Strike, слушал Стинга, носил только джинсы Montana
И выслеживал орангутангов где-то в джунглях Калимантана.
Он был спец по экзотам, он брал их во сне, не выдав себя ни звуком –
Был недаром последним из могикан, следопытом и Чингачгуком.

Но однажды к нему на порог явились агенты в сером,
И толкуют, что снова время пришло послужить и правдой, и верой.

Демократия, говорят, захирела, дышит совсем на ладан,

Потому что ещё не изловлен головорез и мерзавец Бен Ладен.

Я же *бывший* морпех,– отвечает он, – мне на службу не к спеху.

А они говорят: Да брось, не бывает *бывших морпехов*!

Разве это не у тебя на плече тату Semper fidelis?

Разве это не ты на Кубе охотился за Фиделем?

Ты же, блин, следопыт, Чингачгук, зверолов с уникальным нюхом,

Ты же спец по экзотам, ты крут, а тратишь себя по шлюхам.

Да и нужен-то нам пустяк – просто выведи нас к Усаме,

Ну а там всё будет ништяк, ну а там мы как-нибудь сами.

Только дай нам наводку, чувак – и ехай себе на Бали.

Так и этак ломали его, наконец – уломали.

…Он искал на горах и в лесах, и в пустынях, и в море

– Я тебя отыщу, бен Ладен, *memento* мать твою *mori*!

Наконец он вышел на логово – выпал счастливый случай,

Чингачгук, следопыт, зверолов опять доказал, что – лучший.

Он достал зажигалку и Lucky Strike из кармана джинсов Montana,

Закурил и расправил своё лассо – заарканить шайтана.

Но ему помешал воздушный десант, развернувшийся быстро –

И шайтан получил одиночный в грудь и контрольный выстрел.

И с тех пор Чингачгук, зверолов, следопыт опустился и запил.

Он не ловит окапи, галаго, сифак, экзотических цапель,

Он не ходит по тропам на Яве, Борнео, в Мали, в Занзибаре –

Глушит водку и граппу, текилу и ром в одиночестве в баре.

И бормочет – Зачем, идиот, ну зачем указал я на след им?

Ведь какой экземпляр! Ах, какой экземпляр! И притом – последний…

МЕРЗОЗОЙ

Петру Матюкову

В далёком палеозое,
а может быть – в ме(р)зозое
жила динозавра Зоя,

слушала песни Цоя,
любила тиранозавра
со степенью бакалавра
и чёрной душою мавра.
Такая абракадабра...
И он любил её с жаром,
хватал за рога и жабры,
чешуйчатый лоб лобзая,
звал её страстно – *зая*.
Он был домашним тираном,
что было совсем не странным,
поскольку тиранозавры
не то чтобы очень храбры –
не рвутся в светлое завтра
и заек едят на завтрак.
Однажды, давясь слезою,
он скушал бедняжку Зою...
Отъявленные мерзавры
эти тиранозавры!

МЕХАНХОЛИЯ

Виктории Кольцевой

Кривошипный шатун из берлоги встаёт,
Цапфа серая – в камыши.
С частотою три герца подшипник поёт,
Истекает из сердца по капле тавот
На помин пропащей души.

О, мой шпиндель, мой поршень, тебя уже нет –
Мой железный, как гвоздь, травосек...
Разложу на постели асбестовый плед.
Засыпают метели твой масляный след.

И на плечи падает шнек.

ЖУРАВЕЛЬ

Елене Наильевне

Ты не синица, конечно ты не синица –
был бы в руке – пришлось бы тебе жениться,
а так – летаешь свободным, ты мой журавель,
в одном флаконе Ромул и Рем, Каин и Авель,
одновременно картина Рембрандта и Ван Гога,
Август и Августин, но мне не надо другого,
я разрезаю тебя на элементы паззла,
но ты из него выпадаешь, конечно на́зло,
не позволяешь себя билайном раскрасить,
не даёшь любоваться, портишь мне праздник --
вот ведь мерзавец, козёл, каналья, зараза,
мачо, поэт, ланцелот, лёд и пламень, всё сразу,
с ума не сойти бы, хоть есть тридцать три причины –
а что же мне делать? – такие вы все, мужчины!

ГОЛОД’АМУР

Таине Ким

Бежим, вдыхая запахи бистро,
По лужам разноцветного неона,
Там инвалид терзает у метро
Потёртые меха аккордеона.

Мы голодны (padam, padam, padam),
Помойка справа, во́роны над нею.
Химеры на соборе Notre Dame,
Пожалуй, нас и то не голоднее.

Расселись воробьи по скатам крыш:
Je t'aime, je t'aime – осенняя осанна –
И палый лист шуршит, обманно рыж,
Как корочка сухого круассана.

Бежим, бежим, считая фонари,
Влечёт гастрономическая сила...
Смотри, chéri, трамваем номер три
чтоб ненароком хвост не отхватило!

Собачья жизнь, так голодно внутри.
Ах, mon ami, не надо про Paris...

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Автору подборки 322

Снега мели (по Пастернаку) –
Опять на Крюковом занос...
Ладони Господа, однако,
Кровоточили от заноз,
Когда щепой неосторожно
Поэтом он поранен был.
Но слава Богу, что возможно
Убавить стихотворцев пыл,
Не ограничивая чувства
Во имя спорного искусства.

КВЕСТ

Автору подборки 315

Не моя судьба, не моя вина,
А моя беда, что послали на́

Поиск смысла да бесполезный квест:
– Бог не выдаст, милый, свинья не съест,
Ты пойди туда, где Коцит течёт,
Принеси нам, старче, не знаю чё.

И пошёл я на́ тур без адресов,
И принёс я пятое колесо,
Прошлогодний снег и печальный смех,
Рыбкин зонтик и (от неё же) мех,
От козла – четвёртое молоко,
От козы баян я принёс легко,

Но, как видно, шансы мои плохи
Принести читабельные стихи...

ДЕНЬ СУРКА

Тимофею Моисееву

Вот, блин, бывает... с судьбою поспорь-к!
Жребия чую отчётливый горьк...
сбойк получился, не в лад и не в склад
жизнь повернулась – закончился сладк
(честно сказать – и была нелегка),
но за грехи я попал в день сурка!
Доля ты, доля, пошто ж так лиха –
третью неделю читать Тристиха?

Да, наступает, похоже, кирдык.
Паки и паки, архангелы, дык.
Паки и паки, архангелы, дык.
Да, наступает, похоже, кирдык.
Третью неделю читать Тристиха...
Доля ты, доля, пошто ж так лиха?
Вот за грехи я попал в день сурка!
Честно сказать – и была нелегка
жизнь... повернулась – закончился сладк.
Сбойк получился, не в лад и не в склад:
жребия чую отчётливый горьк...
Вот, блин, бывает... с судьбою поспорь-к!

ПЕСНЯ ОБ ОДИНОКОЙ СКАЛЕ

Антону Чистову

Жила-была скала
Окружённая океаном.
Мерзкий, мерзкий – он веками плевал ей в лицо
И вытирал об неё свои мокрые ноги,
И хохотал
– Куда ты денешься, дура?
У неё же – никого не было,
У бедняжки,
И она думала, что так будет вечно,
И она всегда будет утирать
Солёные слезы...
Но однажды

Её терпение лопнуло,
И она ощутила своё основание –
Тектоническую плиту,
На которой стояли тысячи, тысячи скал,
Она ощутила ток магмы
В своих подошвах…
О, скалы – вскричала она, –
Нас много!
Вместе мы победим!
Да, – дружно ответили скалы, –
Так победим!
И начался тектонический сдвиг,
И скала стала сушей,
Высоко вознесясь над землёй.
Теперь люди зовут её Джомолунгмой,
Задирают голову,
Уважительно глядя вверх
На её сияющую вершину.
А она, такая величественная
И недоступная,
Без помех,
День и ночь,
Напрямую
Беседует с Небом.

МИМО

Автору подборки 304

Межстрочья, прочерки, лакуны –
Брешь в разговоре незатейном,
И подстаканники латунны –
Бренчат на столике в купейном.

Всё промельк, отблеск, междометье,
Сквозняк летает по вагонам,
А мимо – скорый, не заметив
Нас в отражении оконном.